

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 4, Number 302 (2015), 172 – 175

**FEATURES OF COMMUNICATION CIVIL SOCIETY
AND AUTHORITIES IN KYRGYZSTAN**

F.D.Khaibulina

Institute of philosophy and political and legal research of NAS KR
fhaybulina@bk.ru

Key words: civil society, communication, public power.

Abstract. The development of social communication processes lead to greater dialogue between power and civil structures. Widespread access to the informative sources is developing critical thinking among the population, and this in turn affects the processes of formation and development of civil society

Communications management partnership as a basic element of communicative dialogue multilevel government structures and civil society, are promising for traditionally receptive community in Kyrgyzstan, because they create more favorable conditions for the formation and strengthening of civil society as a real political actors and social development. Management of public affairs with communications management partnership of civil society and structures of public power, efficiency of information of public authorities among the population in the informal part of creating a sustainable positive attitude to power a significant portion of the electorate and popular participation in the affairs of state and society.

**ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И ВЛАСТИ В КЫРГЫЗСТАНЕ**

Ф.Д.Хайбулина

Институт философии и политico-правовых исследований НАН КР
fhaybulina@bk.ru

Ключевые слова: гражданское общество, коммуникация, публичная власть.

Аннотация. Развитие общественных коммуникативных процессов приводит к расширению диалога между властными и гражданскими структурами. Широкий доступ к информативным источникам развивает критическое мышление у населения, а это в свою очередь, влияет на процессы формирования и развития гражданского общества.

Коммуникации управляемого партнерства в качестве базового элемента коммуникативного диалога разноуровневых структур власти и гражданского общества, перспективны для традиционно восприимчивого сообщества Кыргызстана, поскольку создают дополнительные благоприятные условия для формирования и укрепления структур гражданского общества как реальных участников политического процесса и социального развития. Управление государственными делами с применением коммуникаций управляемого партнерства гражданского общества и структур публичной власти, эффективнее информационной работы органов государственной власти среди неорганизованного населения в части создания устойчивого положительного отношения к власти у значительной части избирателей и участия населения в управлении делами государства и общества.

Длительный социально-экономический и политический кризис в Кыргызской Республике, трансформация социального строя, смена ценностно-нормативной системы и связанная с этим социальная аномия даже после того, как ситуация в стране стала изменяться к лучшему, предопределили долгий административный дисбаланс на разных уровнях республиканской и региональной власти. Обозначились противоречия в системе государственного и муниципального управления, которые не могли не сказаться на отношениях органов государственной власти и органов местного самоуправления в общей системе управления страной. Эти противоречия

охватили основные сферы управленческой деятельности, особо заметными стали в планировании, подборе и расстановке кадров, их подготовке и переподготовке, контроле исполнения.

В силу причин, связанных с переходным состоянием общества и государства, в системе государственного и муниципального управления укоренилась коррупция, широкий размах приобрели корыстные преступления. Эта проблемная сторона оказалась под прицелом СМИ, которая формировала и продолжает формировать в общественном мнении кыргызстанцев негативный образ государственной власти. В Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 гг. указывается параметр успешности реализации антикоррупционной политики – «индикатор доверия» гражданского общества к результатам проводимой государством антикоррупционной борьбы, измеряемый на постоянной основе» без инструментария измерения.^[1] В свою очередь, Председатель Центра анализа противодействия коррупции (ЦАПК) Бакыт Бакетаев сообщает, что «в прошлом году республика уже сделала резкий рывок в снижении уровня коррупции и поднялась по данному показателю в мировом рейтинге со 164-го на 154-е место. По прогнозу ЦАПК, уже в этом году Кыргызстан обгонит еще 20 стран и займет 134-е место. Ежегодно Кыргызстан будет подниматься также на 20 позиций, что позволит уже к 2017 году войти в ТОП-60 некоррумпированных стран. Исследование показало: общество не уверено, что системное противодействие может существенно повлиять на ситуацию. Наибольшего эффекта граждане ждут от политической воли президента и парламента».^[2] В то же время, структуры гражданского общества, остаются на протяжении всего постсоветского периода в зачаточном состоянии и не могут должным образом, обеспечивать участие населения в управлении делами общества и государства.

Таким образом, расслоение между обществом и государственными структурами создали следующие предпосылки взаимодействия:

Во-первых общественному диалогу власть и общество приближают особенности, сложившихся экономических и социальных отношений людей, организаций, сообществ, попавших в политический и рыночный передел. В кризисных ситуациях активизируются как конфликты, так и импульсы к сотрудничеству структур государства, бизнес-сообществ и гражданских союзов.

Во-вторых в современных условиях на этапе реформирования Кыргызстана, актуализировался и обострился вопрос о диалектических по природе своей противоречиях в отношениях органов государственной власти и местного самоуправления в общей системе управления страной.^[3,7-12] Его решение, как показывает практика, следует искать в совмещении интересов и усилий сторон в рамках единой государственной вертикали управления и на основе осознанного гражданского компромисса, нового «общественного договора».

Стремительно развивающееся пространство взаимодействия, радикально изменило общественные связи, информационный обмен, степень открытости, качество и количество диалоговых форм общения людей, социальных групп и структур. В свою очередь, даже потенциальное расширение возможностей общественного контроля меняет устоявшееся предназначение правительственные, региональных структур власти, заставляя все шире применять формы социального и управленческого партнерства для снятия социальной напряженности и совместного разрешения конфликтов.^[4,33-35]

Коммуникации самого разного рода, приобретая мобильный характер, существенно видоизменяют обратную связь институтов власти с населением, местными сообществами. Система территориального управления все больше становится двусторонним процессом. Появляется возможность для более полного политического мониторинга и проведения эффективных избирательных кампаний на том уровне, который обеспечивал бы формирование по-настоящему легитимной власти.^[5,15,21-22]

Вопрос, тем не менее, именно в том, какие формы взаимодействия здесь нужны, чтобы коммуникативный диалог на этом поле общения расширялся неформально, а давал бы ожидаемый и реальный социальный результат.

На фоне сложных процессов последних лет, характеризующих становление нового социального строя в Кыргызстане обозначились противоречия во взаимодействии гражданского общества и структур публичной власти. Данное взаимодействие уже не могло опираться на советскую модель социального управления, где государство строило свои отношения с широким

фронтом общественных организаций, вплоть до передачи некоторых своих функций последним (профсоюзам, комсомолу), но под жестким контролем правящей партии. Новая же модель, соответствующая принципам взаимоподдержки и взаимоконтроля правового государства и гражданского общества, находилась в стадии формирования.^[6,24-26] Одним из недостатков этого переходного процесса является незавершенность построения коммуникативного взаимодействия гражданского общества и структур публичной власти. Встает задача не только укрепить слабые общие управленческие коммуникации, но еще и добавить им недостающее качество (в том числе за счет гражданского ресурса, самодеятельности местного сообщества). То есть нужны, по сути, новые коммуникативные средства.

В этой связи, актуальность приобретает рассмотрение социальной составляющей используемого обществом и государством коммуникативного пространства в ином ракурсе и с иной мерой ответственности. В центральноазиатском сообществе и Кыргызстане в частности, весьма нерешительно предлагаются более современные способы и формы сотрудничества в этом новом социальном пространстве.^[7] Между тем, глобальные сети радикально изменили характер общественных связей, информационного обмена, степень открытости власти, политики, бизнеса, а с ними качество и количество диалоговых форм в повседневных контактах людей, социальных групп и структур.^[8] Применительно к отношениям власти и общества, а также в интересах социального прогресса, были выработаны основные критерии коммуникации в гражданской среде:

Под коммуникацией понимается системный процесс познания и действия, связывающий средствами общения и обмена информацией все структуры общества с целью воспроизведения жизнедеятельности людей, управления социальным порядком, ретрансляции социокультурного опыта, поддержания и развития гуманистических начал сотрудничества, партнерства, широкого общественного и гражданского диалога.

Обеспечение эффективности коммуникации рассматривается как исходная позиция при постановке и решении управленческих задач взаимодействия гражданского общества и структур публичной власти. Такое взаимодействие имеет не иерархический, а партнерский характер. В соответствии с этим, управленческое партнерство характеризуется через следующие организационные принципы: единство звеньев властной (управленческой) вертикали независимо от их институциональной принадлежности; субординацию и координацию компетенций субъектов управленческого партнерства; консолидацию сил власти и гражданских сил общества (местных сообществ); паритет интересов республиканских, региональных и муниципальных органов, принадлежащих к общегосударственной системе управления; баланс управляемости в условиях координируемого взаимодействия; совместимость разных политических и управленческих практик; единство информационного пространства в рамках управленческого партнерства; свободный выбор форм партнерства и его организации.^[9,34-39]

Коммуникации управленческого партнерства соответствуют традиционным установкам общества. Создание тем же принципам положительного отношения к власти у значительной части избирателей и обеспечение участия населения в управлении делами государства и общества более эффективно, если органы государственной власти вступают в диалогические отношения не с перманентно пассивным избирателем, а со структурами гражданского общества (органами местного самоуправления, общественными объединениями, религиозными организациями, негосударственными организациями в сфере бизнеса, образования и культуры, спорта, социальной защиты, а также другими формами инициативного участия граждан в решении конкретных социальных проблем).^[10,39-60] С учетом этого, стратегически значимым становится осуществление «коммуникативно применяемой власти» как необходимого дополнения к «административно применяемой власти».^[11] Суть выдвигаемого положения состоит в том, что администрирование приравнивается к повседневному управлению и в нем отсутствуют элементы общественного участия. В то время как коммуникативно применяемая власть во главу угла ставит взаимодействие с обществом, осуществляет национально ориентированный курс, что, в конечном счете, определяет базовый подход для концептуальных моделей коммуникативного взаимодействия институтов власти и общества.

Поскольку в современной истории Кыргызстана структуры гражданского общества недостаточно развиты и в большинстве территорий не могут эффективно контролировать власть, в

управлении взаимодействием гражданского общества и структур публичной власти, инициатива должна принадлежать органам государственной власти, имеющим такие средства организации коммуникативного диалога, как разработка и принятие соответствующих целевых программ и осуществление социальных проектов.^[12,4,8-18]

Анализ показывает, что в сложившейся ныне ситуации в административном управлении, население не является полноценным участником процессов территориального управления. С этой точки зрения, основной сложностью выступают процедуры «субъективации», приобретения людьми необходимых ресурсов для управленческой деятельности. Поэтому главное внимание в научных исследованиях последнего времени, уделялось роли современных информационно-коммуникационных технологий – и как инструмента субъективного восприятия пространства, и как поле взаимодействия власти и населения.

Исходя из выше сказанного, мы приходим к следующим выводам:

1. Коммуникативное взаимодействие гражданского общества и структур публичной власти существенно отличается по уровням социальной организации, из чего следует, что управление таким взаимодействием должно основываться на разных концептуальных моделях. Для уровня «государственная власть – гражданское общество», где целесообразно разрабатывать три плана отношений: долгосрочный со стратегическим эффектом, среднесрочный с накопительным эффектом и краткосрочный, точечный – с разовым эффектом.

2. Средства массовой коммуникации рассматриваются как находящиеся в распоряжении общества, виды передачи информации с самодостаточным технологическим ресурсом воспроизводства, а средства массовой информации – как институционально признанные производства информационного продукта, предназначенного для полномасштабного использования в системе массовой коммуникации. Такое разделение существенно при моделировании коммуникационных процессов в политической сфере.^[13,88]

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Исследование «Коррупция в Кыргызстане: масштабы, причины и возможности снижения» Проект «Наращивание потенциала в области экономического управления». – Бишкек, 2014. С. 156.
- [2] Денисенко Д. Эксперты рассказали о результатах исследования коррупции в Кыргызстане. //Вечерний Бишкек. <http://www.sayasat.kg/index.php?option=com>. (дата обращения 25.01.2015).
- [3] НКО и Законодательство. НКО Кыргызстана против контроля над общинными организациями. // Информационно-аналитический бюллетень Интер Билим. 2014. № 9 (27). С. 7-12.
- [4] Жантикеев С.К., Ильясова Г.Т., Муканова А.Д. Взаимодействие государства и НПО: из опыта сотрудничества. – Астана, 2002. С. 33-35.
- [5] Абдусалымова Л., Уоррен Х. Наращивание организационного потенциала в Центральной Азии: из опыта работы в Кыргызстане и Казахстане // Документ Практис. – Бишкек, 2007. №15. С. 21-22
- [6] Боржелли Н. и др. Обзор законодательства, регулирующего реализацию права на свободу объединения в странах Центральной Азии. – Алматы, 2005. С. 24-26.
- [7] Пашин С.А. Государство и гражданское общество, или Игра в орлянку// Индекс, URL: <http://index.org.ru/16/pashin/html> (дата обращения 04. 04. 2015)
- [8] Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 1. С. 4.
- [9] Третьяков А. Гражданское общество и власть. Культура отношений // Третий Сектор. 2005. Выпуск №1. С. 34-39.
- [10] Левада Ю. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. – М., 2005. С. 39-60.
- [11] Бийгельдиева Ч. Становление гражданского общества как фактор государственности Кыргызстана. // Вестник КГУ им. И.Р. Рazzакова. 2009. №6. С.34.
- [12] Левада Ю. «Человек советский». Четвертая волна: Функции и динамика общественных настроений // Вестник общественного мнения. 2014. № 4 (72). С. 8-18.
- [13] Чиналиев У. Особенности становления гражданского общества в Кыргызстане. – М., 2001. С.88.

Поступила 12.07.2015 г.